

УДК 316.34

СОЦИОСТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ

SOCIO-STRUCTURAL ASPECT OF THE SOCIAL FEARS STUDY

©**Баринов Д. Н.**

д-р философ. наук

*Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия, novalenso@mail.ru*

©**Barinov D.**

Dr. habil.

*Smolensk State University
Smolensk Russia, novalenso@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования является социоструктурный аспект возникновения и дифференциации социальных страхов. Анализ социальных страхов осуществляется на основе ключевых параметров социальной стратификации (доход, власть, профессия, образование). Автор исходит из понимания социального страха как реакции на социальную по своему происхождению, реальную или мнимую, угрозу реализации значимых интересов, жизненных планов и притязаний социального субъекта. В этой связи социальная структура, в которую включены индивиды, рассматривается как онтологическая основа социальных страхов. Теоретической основой исследования послужили социологические и психологические работы в области исследований социальных страхов, теории социальной стратификации, концепция общества риска. В качестве эмпирического материала использовались результаты общероссийских социологических опросов. В работе применялся метод вторичного анализа данных. В статье делается следующий вывод. Принадлежность индивидов к той или иной социальной страте определяет не только интенсивность переживания страхов, но также репертуар социальных страхов. Социальные страхи отражают тот круг проблем, с которым сталкиваются представители тех или иных социальных страт в ходе реализации их насущных потребностей и интересов. Поэтому социальные страхи можно рассматривать как индикатор положения дел в той или иной страте. Несмотря на дифференциацию социальных страхов, обусловленную системой социальной стратификации, страхи представителей различных групп, обнаруживают общую природу.

Abstract. The subject of the study is the socio-structural aspect of the emergence and differentiation of social fears. Analysis of social fears is carried out on the basis of key parameters of social stratification (income, power, profession, education). The author proceeds from the understanding of social fear as a reaction to the social (by real or imaginary) threat of realizing the significant interests, life plans and claims of the social subject. In this regard, the social structure, in which individuals are included, is viewed as the ontological basis of social fears. The theoretical basis of the research was sociological and psychological work in the field of research of social fears, the theory of social stratification, the concept of a risk society. As the empirical material, the results of all-Russian sociological surveys were used. The method of secondary data analysis was used in the work. The article draws the following conclusion. The belonging of individuals to a

social stratum determines not only the intensity of the experience of fears, but also the repertoire of social fears. Social fears reflect the range of problems faced by representatives of these or those social strata in the course of realizing their vital needs and interests. Therefore, social fears can be viewed as an indicator of the state of affairs in a particular stratum. Despite the differentiation of social fears caused by the system of social stratification, the fears of representatives of different groups reveal a common nature.

Ключевые слова: социальные страхи, социальное неравенство, социальная стратификация, общество риска, социальное самочувствие, социальная структура, дифференциация страхов, социология эмоций, социальные интересы, социальная угроза.

Keywords: social fears, social inequality, social stratification, risk society, social well-being, social structure, differentiation of fears, sociology of emotions, social interests, social threat.

Неустойчивость современного мира, выражающаяся в глобальных проблемах, природных и антропогенных катастрофах, социально-экономических кризисах, появлении новых рисков, не позволяет человеку ощущать себя в безопасности, лишает его чувства уверенности в завтрашнем дне. Это во многом предопределяет интерес ученых к проблематике социальных страхов.

Под социальным страхом понимается состояние боязни, возникающее в результате несоответствия поведения ожиданиям и оценкам окружения [18; 19]. Поэтому к числу социальных страхов относят страх ответственности, публичных выступлений, страх оказаться в центре внимания, страх начальства и т.п. [14; 17, с. 65], то есть страх, возникающий в определенных ситуациях социального взаимодействия или предшествующий им [12; 22; 23; 24]. Страх рассматривается также как реакция на угрозу тому, что считается необходимыми для жизни. Это реакция на социальные процессы и явления, имеющие непосредственное отношение к жизни индивида или группы [7].

Можно полагать, что основой возникновения социальных страхов является социальная структура, которая рассматривается как «эпицентр факторов, определяющих социальную жизнь» [1, с. 29]. Включенность индивида в социальную структуру общества, совпадающую, по мнению некоторых исследователей, с социальной стратификацией [13], определяет, каким именно способом будут реализованы его жизненные планы, интересы, удовлетворены потребности. Поэтому под социальным страхом следует понимать реакцию, отражающую угрозу возможности полноценного существования социального субъекта. Социальный страх – это эмоционально-когнитивная реакция, возникающая в условиях социальной по своему происхождению угрозы (реальной или мнимой) в отношении реализации насущных интересов и жизненных планов социального субъекта в рамках системы общественных отношений [2]. С этой точки зрения, социоструктурный аспект социальных страхов, имеющий стратификационное измерение, представляется онтологической основой возникновения социальных страхов.

В истории общественной науки сформировались теоретические подходы, обосновывающие разные критерии стратификации. В марксистской теории социальные классы определялись на основе отношения к собственности на средства производства, в теории М. Вебера собственность дополнилась статусом (социальным престижем) и принадлежностью к партии. Дж. Ленски подчеркивал значение власти, престижа и привилегий, неравный доступ к которым обеспечивает вертикальную иерархию социальных

слоев. П. Сорокин в качестве наиболее существенных форм стратификации выделил экономическую, политическую и профессиональную. Функционалистская парадигма рассматривает стратификацию как распределение индивидов по социальным позициям, обладающим разной степенью значимости для общества [6; 8; 9; 11; 13; 16].

Оставляя в стороне дискуссии о факторах, формах и параметрах социального неравенства, целесообразности применения одномерного или многомерного подхода к изучению стратификации, остановимся на ее ключевых критериях – уровне дохода, профессии, власти и образовании.

Совершенно очевидно, что группы, обладающие разным социально-профессиональным статусом и доходом, характеризуются неодинаковой интенсивностью и различным репертуаром социальных страхов (по их объектам). Чем выше профессиональный статус, тем меньше уровень беспокойства. По данным Левада-центра (2008 г.), среди руководителей ни один человек не испытывал страха. А вот среди специалистов таких было 2%, среди служащих – 3%, среди квалифицированных рабочих – 4%, среди неквалифицированных рабочих – 6%. Наибольший уровень беспокойства наблюдался у пенсионеров и безработных – 12% и 10% соответственно (3).

Профессионально-квалификационный статус определяет и набор социальных страхов. Руководители и специалисты в меньшей степени, чем служащие и рабочие, обеспокоены экономическими проблемами, и в большей – кризисом культуры, морали, нравственности, коррупцией, взяточничеством, произволом чиновничества. Так, если среди руководителей бедностью, обнищанием населения в январе 2008 г. были обеспокоены 39% опрошенных, ростом цен – 79%, ростом безработицы – 19%, резким разделением на богатых и бедных, несправедливым распределением доходов – 33%, то среди квалифицированных рабочих эти же проблемы волновали 49% и 46%, 82% и 87%, а среди неквалифицированных – 29% и 27%, 35% и 45% соответственно. Кризис морали, культуры, нравственности вызывал опасения у 35% руководителей, 33% специалистов, 28% служащих, 20% квалифицированных рабочих, 23% неквалифицированных рабочих. Наконец, коррупция, взяточничество, произвол чиновников беспокоили 36% и 16% руководителей соответственно, 25% и 11% специалистов, 15% и 12% служащих, 27% и 9% квалифицированных рабочих, 24% и 6% неквалифицированных рабочих (3).

Интенсивность переживания социальных страхов меняется в зависимости от уровня дохода и оценки материального положения своей семьи. Так, в январе 2008 г. среди тех, кто считал, что материальное положение их семьи за последний год «скорее ухудшилось», 12% испытывали страх, тогда как среди тех, кто позитивно оценил изменение материального положения своей семьи, таких лишь 2%. Среди россиян с низким уровнем дохода 8% опрошенных ответили, что испытывают страх, среди лиц со средним доходом – 6%, с высоким – 3% (3). Сходные тенденции обнаруживались и в 2015 году (4).

Лиц с низким доходом в большей степени беспокоят бедность, обнищание населения (35% с высоким доходом, 50% со средним, 60% с низким), рост цен (71%, 83% и 90% соответственно), рост безработицы (19%, 26% и 38% соответственно), кризис в экономике (26%, 29% и 33% соответственно). Противоположная картина в распределении мнений наблюдается в отношении таких проблем, как кризис морали, культуры, нравственности (23% с низким доходом, 28% со средним и 31% с высоким), ухудшение состояния окружающей среды (19% с низким доходом, 24% со средним и 28% с высоким), коррупция, взяточничество (20% с низким доходом, 21% со средним и 28% с высоким), рост наркомании (23% с низким доходом, 25% со средним и 29% с высоким) (3).

Как видим, рост дохода и коррелирующий с ним профессиональный статус формируют уверенность в завтрашнем дне, дает ощущение стабильности и делает малозначительными проблемы экономического характера, хотя, безусловно, не избавляют полностью от социальных страхов. Напротив, низкий доход и профессиональный статус снижает уровень притязаний и возможности реализации жизненных планов. Такая же тенденция характерна и для территориальной стратификации [21].

Рассматривая влияние власти как критерий стратификации на социальные страхи, необходимо отметить социально-психологическое значение этого феномена. Обладание властью дает ощущение уверенности, безопасности и предсказуемости жизни. Недаром К. Хорни наряду с реакцией отстранения и любовью, к способам избавления от тревоги относил и стремление к власти. Одним из способов укрепления властного ресурса является создание труднопроходимой границы между политической элитой и населением, в том числе посредством контроля над разнообразными ресурсами. Степень жесткости такого контроля отражает существующее в системе стратификации отчуждение между индивидами, обладающими властью и не обладающими ею, что наиболее отчетливо обнаруживается в условиях деспотизма, когда человек оказывается абсолютно незащищенным от неожиданных действий со стороны облеченных властью структур. Гарантированный сильной и жесткой властью привычный порядок общественной жизни для рядовых граждан на деле выступает в виде непредсказуемых действий репрессивного аппарата, а общество стабильности превращается в общества риска, в котором человек ежеминутно может оказаться застигнутым врасплох.

Постоянные страх и тревога в условиях преследований и репрессий приводят к застою и консерватизму в различных сферах общественной жизни и разных видах деятельности, препятствуют социальному развитию, чреватые регрессией. Атмосфера тревожности искажает правовую систему и правосознание граждан. Точнее, правовая система служит лишь инструментом установления неограниченной и ничем не сдерживаемой власти, насаждающей страх перед нарушением существующего порядка. Это парализует волю людей, их свободу, понижает готовность рисковать и проявлять инициативу [15]. Аналогичная роль страха выявлена в исследованиях затрудненного общения подростков. Страх блокирует активность, инициативу, препятствует реализации коммуникативного потенциала подростка [23, с. 149]. Паралич воли и активности населения в данном случае – это метафорическая характеристика того эмоционального состояния масс, которое в психологии именуется оцепенением и является одной из реакций на угрожающий стимул (Х. Хекхаузен).

Вместе с тем вряд ли правомерно говорить о том, что деспотизм – это единственная форма государственного устройства, использующая страх и тревогу в качестве инструментов управления. И демократия не исключает страхов, связанных не столько с исходящими от власти угрозами, сколько со структурными особенностями взаимоотношений государства и общества. Так, в социологической науке существует мнение (Э. Фромм, П. Бурдьё), что делегирование полномочий в условиях демократии приводит к отчуждению между властью и обществом [5]. В этих условиях возникает беспокойство и тревожное ожидание в связи с деятельностью тех структур, которые оказались неподконтрольными человеку. Российский опыт становления демократии и развития избирательных технологий показывает, что и в демократической политической системе возникают социальные страхи в силу виртуализации и мифологизации мира политики и участников политического процесса, отчуждающих политическую элиту от населения. Наконец, неподконтрольность, неподотчетность власти

населению делает ее действия непредсказуемыми, что провоцирует возникновение страхов, а также патерналистских настроений, желание видеть у руля государства сильного лидера [10].

Одним из параметров современной социальной стратификации выступает образование, которое является социальным лифтом и оказывает влияние на профессиональную деятельность выпускника образовательного учреждения. Поэтому менее успевающие студенты чаще испытывают страх и тревогу по поводу своего будущего, чем хорошисты и отличники. И наоборот. Хорошистам в большей степени, чем троечникам, свойственен оптимизм в отношении будущего [4].

Такие страхи детерминированы объективными условиями экономической активности населения – уровень безработицы, как правило, выше у лиц, не имеющих высшего образования. По данным Росстата России, с 2003 г. по 2013 г. количество безработных среди россиян, не имеющих высшего образования, превышало число безработных с высшим образованием. Если количество безработных со средним общим образованием в 2008 году составляло 1564 тыс чел., то с высшим – 536 тыс чел. Подобная картина наблюдалась и в последующие годы (5, с. 116).

Образование тесно связано с социальными страхами в качестве института социализации. Доступ к образованию позволяет получить не только знания и компетенции, необходимые для будущей профессии, но и способствует восходящей мобильности. Поэтому возможности повышения статуса студентов вузов означают и возможность формирования определенных групп страхов, характерных для тех профессий, которые предполагают более высокий уровень образования. Поскольку образование в качестве института социализации осуществляет систематическое воспроизводство социального порядка и его символической системы (П. Бурдьё), то можно говорить о специфических для того или иного типа общества страхах, которые транслируются через систему образования и усваиваются в ходе обучения. Так, например, преимущества демократии и недостатки авторитарной и тоталитарных систем, а также ужасы тоталитаризма, транслируемые через учебные пособия и научные работы, которые стали выходить в свет с конца 80-х годов XX века и активно внедрялись в систему образования на протяжении 90-х годов, вполне могут способствовать формированию страхов перед любыми проявлениями тех политических режимов, которые в таких учебниках и научных работах именовались авторитарными и тоталитарными.

Наконец, образование дает систему знаний, которые обладают не только прикладным значением, но и являются частью общекультурного багажа выпускника образовательного учреждения. Поэтому знания можно рассматривать как средство преодоления страхов, что подтверждает философская традиция, связывавшая страх с неведением (Т. Гоббс, П. Гольбах и др.). Об этом свидетельствуют и результаты социологических исследований. В январе 2008 г. страх переживали 4% россиян с высшим образованием и 7% - с образованием ниже среднего (3, с. 103). В декабре 2015 года – 4% и 10% соответственно (4, с. 222). Кроме того, исследования, проведенные в разные годы разными социологическими кампаниями показывают, что среди россиян с высшим или неполным высшим образованием суеверных меньше, чем среди тех, кто имеет среднее образование (Левада-центр (2013 г.), Служба «Среда» (ФОМ), 2011 г.) (1; 2).

В информационном обществе знания, информация, образование становятся одним из ключевых факторов развития, играют важнейшую роль при принятии решений во всех сферах общественной жизни, выступают инструментом контроля над социальными процессами. Этот факт, казалось бы, должен свидетельствовать о возрастании роли знания и образования в борьбе с негативными последствиями социальных страхов. Однако, как ни

парадоксально, в современном обществе образование и знание могут считаться теми факторами, которые возбуждают социальные страхи. Так, если лица с высшим образованием чаще говорят о страхе перед ухудшением экологии, то это, возможно, связано именно со знанием тех обстоятельств, которые оказывают на экологию пагубное влияние. Как отмечал У. Бек, в обществе риска многие опасности являются невидимыми и чувственно не воспринимаются (вредные вещества в пище и воздухе, разного рода заражения и т. п.). Поэтому только знание о таких опасностях, в том числе экспертное, позволяет человеку обратить внимание на те или иные риски и предпринять соответствующие действия – выбрать безопасные продукты питания или место жительства [3, с. 30-31].

Таким образом, социальная стратификация выступает предпосылкой социальных страхов, отражающих круг проблем, с которым сталкиваются представители тех или иных социальных страт в ходе реализации их насущных потребностей и интересов. Возможность или невозможность реализации интересов, обусловленная положением группы в иерархически организованной системе социального неравенства, предопределяет интенсивность переживания страха и репертуар страхов. Поэтому социальные страхи можно рассматривать как показатель принадлежности той или иной группы к социальной страте и как индикатор положения дел в той или иной страте. Неравномерное распределение прав, обязанностей, благ, власти, привилегий (П. А. Сорокин) выступает источником дифференциации страхов по их объектам. Наконец, социальные страхи представителей различных групп, занимающих в системе стратификации неодинаковое положение, обнаруживают общую природу, которая выражается в том, что репрезентанты разных страт боятся прежде всего того, что не зависит от их действий, того, что они не в силах контролировать, перед чем они оказываются бессильными и беспомощными.

Источники:

- (1). Астрология, сглаз и гадания. URL: <http://sreda.org/opros/astrologiya-sglaz-i-gadaniya>
- (2). Россияне стали меньше верить в потустороннее. Режим доступа: <https://goo.gl/2LbQyE> (дата обращения 11.09.2017).
- (3). Информация: результаты опросов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. №3-4 (121). С. 221-242.
- (4). Информация: результаты опросов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №2 (94). С. 71-114.
- (5). Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016: Стат.сб./Росстат. М., 2016. 146 с.

Список литературы:

1. Арутюнян Ю. В. О социальной структуре общества постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 29-40.
2. Баринов Д. Н. Феномен социальной тревоги: философский аспект // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2010. №6. С. 58-62.
3. Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Борликов Г. М., Муханова М. Н. Жизненные стратегии студентов Калмыцкого государственного университета // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России». В 16 т. М.: Альфа-М, 2006. Т. 12. С. 31.

5. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2013. 288 с.
6. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. №5. С. 169-183.
7. Витковская М. И. Социальные страхи как предмет социологического исследования: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2006. 24 с.
8. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. №9. С. 112-123.
9. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. №11. С. 107-120.
10. Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 448 с.
11. Девис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / под ред. С. А. Белановского. Вып. 1. М.: ИНП РАН, 1992. С. 160-177.
12. Зуева О. С. Социоструктурный анализ социальных страхов наемных работников в региональном сообществе: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2013. 27 с.
13. Комаров М. С. Социальная стратификация и социальная структура // Социологические исследования. 1992. №7. С. 62-72.
14. Ромек В. Г. Поведенческая терапия страхов // Психологический журнал. 2002. №1. С. 80-81.
15. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. М.: Политиздат, 1991. 432 с.
16. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
17. Щербатых Ю. В., Ноздрачев А. Д. Физиология и психология страха // Природа. 2000. №5. С. 61-67.
18. Mark R., Leary R., Kowalsky M. Social Anxiety. N.Y.: Guilford Press, 1997. 244 p.
19. Kashdan T. B. Social anxiety spectrum and diminished positive experiences: Theoretical synthesis and meta-analysis // Clinical Psychology Review. 2007. №27. P. 348-365.
20. Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. №4. С. 8-21. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02.
21. Иваненко Н. С. Тревоги студенческой молодежи в контексте территориальной стратификации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. №6. С. 100-103.
22. Мякотин И. С. Социальная фобия как нарушение психологических границ и искажение идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. №18. С. 363-365.
23. Самохвалова А. Г. Социальные страхи как фактор затрудненного общения городских и сельских подростков // Ярославский педагогический вестник. 2016. №2. С. 148-155.
24. Ofan R. H., Rubin N., Amodio D. M. Situation-based social anxiety enhances the neural processing of faces: evidence from an intergroup context // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2014. V. 9. №8. P. 1055-1061. DOI: 10.1093/scan/nst087.

References:

1. Arutyunyan, Yu. V. (2002). About the social structure of the society of post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9), 29-40. (in Russian)
2. Barinov, D. N. (2010). The Phenomenon of Social Alert: The Philosophical Aspect. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*, (6), 58-62. (in Russian)

3. Beck, W. (2000). Risk Society. On the way to a new modernity. Moscow, Progress-Traditsiya, 384. (in Russian)
4. Borlikov, G. M., & Mukhanova, M. N. (2006). Life strategies of students of the Kalmyk State University. *Abstracts and speeches at the All-Russian Sociological Congress Globalization and Social Changes in Contemporary Russia. In 16 v. Moscow, Alfa-M, 12, 31.* (in Russian)
5. Bourdieu, P. (2013). Sociology of Social Space. St. Petersburg, Aleteya, 288. (in Russian)
6. Veber, M. (1994). Basic concepts of stratification. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (5), 169-183. (in Russian)
7. Vitkovskaya, M. I. (2006). Social fears as a subject of sociological research: the author's abstract diss. Ph.D. Moscow, 24. (in Russian)
8. Giddens, E. (1992). Stratification and class structure. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9), 112-123. (in Russian)
9. Giddens, E. (1992). Stratification and class structure. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 107-120. (in Russian)
10. Gozman, L. Ya., & Shestopal, E. B. (1996). Political psychology. Rostov-on-Don, Feniks, 448. (in Russian)
11. Davis, K., & Moore, W. (1992). Some principles of stratification, Social stratification. Ed. S. A. Belanovskii. Issue. 1. Moscow, INP RAS, 160-177. (in Russian)
12. Zueva, O. S. (2013). Sociostructural analysis of social fears of wage workers in the regional community: author's abstract diss. Ph.D. Stavropol, 27. (in Russian)
13. Komarov, M. S. (1992). Social stratification and social structure. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (7), 62-72. (in Russian)
14. Romek, V. G. (2002). Behavioral Therapy of Fears. *Psikhologicheskii zhurnal*, (1), 80-81. (in Russian)
15. Soloviyov, E. Yu. (1991). The past interprets us. Moscow, Politizdat, 432. (in Russian)
16. Sorokin, P. A. (1992). The Man. Civilization. Society. Moscow, Politizdat, 543. (in Russian)
17. Shcherbatykh, Yu. V., & Nozdrachev, A. D. (2000). Physiology and psychology of fear. *Priroda*, (5), 61-67. (in Russian)
18. Mark, R., Leary, R., & Kowalsky, M. (1997). Social Anxiety. N.Y., Guilford Press, 244.
19. Kashdan, T. B. (2007). Social anxiety spectrum and diminished positive experiences: Theoretical synthesis and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, (27), 348-365. (in Russian)
20. Dutkevich, P., & Kazarinova, D. B. (2017). Fear as a policy. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 8-21. doi:10.17976/jpps/2017.04.02. (in Russian)
21. Ivanenko, N. S. (2014). Alerts of student youth in the context of territorial stratification. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki*, (6), 100-103. (in Russian)
22. Myakotin, I. S. (2015). Social phobia as a violation of psychological boundaries and identity distortion. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (18), 363-365. (in Russian)
23. Samokhvalova, A. G. (2016). Social fears as a factor of the difficult communication between urban and rural adolescents. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, (2), 148-155. (in Russian)
24. Ofan, R. H., Rubin, N., & Amodio, D. M. (1 August 2014). Situation-based social anxiety enhances the neural processing of faces: evidence from an intergroup context. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 9, (8), 1055-1061. doi:10.1093/scan / nst087

Работа поступила
в редакцию 24.10.2017 г.

Принята к публикации
28.10.2017 г.

Ссылка для цитирования:

Баринов Д. Н. Социоструктурный аспект изучения социальных страхов // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №11 (24). С. 453-461. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/barinov> (дата обращения 15.11.2017).

Cite as (APA):

Barinov, D. (2017). Socio-structural aspect of the study of social fears. *Bulletin of Science and Practice*, (11), 453-461